

Глава 2. Дела минувших дней: Бай Юйтан

Тишина и Бай Юйтан — понятия едва ли совместимые.

Пятый господин Бай был натурой кипучей, живой, а если называть вещи своими именами, — он обожал сеять вокруг себя хаос, ввязываться в сомнительные авантюры и сводить с ума столичных красавиц. В самой сути его существования крылось некое необъяснимое противоречие.

В его памяти не сохранилось образов родителей. Да и немудрено: они ушли в мир иной, когда Юйтан был совсем крохой — слишком мал, чтобы запомнить лица, слишком мал, чтобы осознать потерю. И всё же, несмотря на раннее сиротство, судьба оказалась к нему удивительно милостива.

У него был старший брат, Бай Цзиньтан, который души в нём не чаял. Была приёмная мать, Цзян Нин, подарившая ему всю ту нежность, которую могла бы дать родная мать. И было четверо названных братьев, каждый из которых оберегал его, точно родного младшего братишку.

Лишившись отца и матери, Пятый господин в действительности оказался куда счастливее большинства детей. Поскольку он потерял родителей ещё до того, как начал осознавать мир, горечь разлуки обошла его стороной, не оставив на сердце глубоких шрамов.

Мастерством боя он владел в совершенстве. Формально у него никогда не было учителя: его наставниками стали Цзян Нин и Бай Цзиньтан. Разумеется, названные братья тоже не скупались — стоило Юйтану проявить к чему-то интерес, ему тут же нанимали лучших учителей и мудрейших наставников.

Однако между познаниями Бай Юйтана и Чжань Чжао при всём их сходстве лежала глубокая пропасть.

Юйтан учился, чтобы утолить своё безмерное любопытство. Он жадно хватался за всё новое, порой за вещи совершенно невероятные, но стоило интересу угаснуть — он бросал начатое и переключался на что-то другое. Чжань Чжао же под суровым надзором своего учителя оттачивал мастерство до блеска, стремясь к абсолютному совершенству в каждой детали. В итоге в любом искусстве, которым владели оба, Бай Юйтан неизбежно уступал Южному Герою. Конечно, из этого правила бывали исключения, но там, где Чжань Чжао вкладывал душу и годы труда, Юйтан брал лишь широтой кругозора.

Детство Пятого брата было беззаботным. Ему не приходилось ломать голову над серьёзными проблемами — всё решали старшие. Он рос вольным, как ветер, привыкшим поступать по-своему, и мало что в этом мире могло заставить его всерьёз задуматься.

Первым настоящим ударом, заставившим его ощутить быстротечность бытия, стала смерть Бай

Цзиньтана.

Тогда маленькому Юньшэну не исполнилось и года. Его отец, Бай Цзиньтан, слёг. Болезнь оказалась коварной и тяжёлой: день за днём он таял на глазах, проводя в беспамятстве долгие часы и лишь изредка приходя в себя.

Госпожа Линь, глядя на истощённого супруга, не могла сдержать слёз, раз за разом окропляя шёлковый платок.

— Муж мой, ты очнулся? — шептала она, когда он открывал глаза.

— М-м?

Короткий ответ — и спустя мгновение он снова погружался в забытьё. Круг замыкался, и исход казался предрешённым. Даже Минь Сюсю, которую в народе величали Божественным лекарем, лишь бессильно качала головой.

— Я могу лишь тянуть его дни, — призналась она. — Чтобы спасти его по-настоящему, нужно отыскать Ли Лао.

При упоминании этого имени на всегда спокойном и властном лице Цзян Нин пролегла глубокая складка.

— Ли Лао? — она тяжело вздохнула. — Найти его — задача почти невыполнимая. Говорят, после того как Лэй Юньцэ погубил его любимую жену, он ушёл в затворничество и больше не являлся миру.

— Где он? Я найду его, где бы он ни прятался! — вскричал Бай Юйтан, снедаемый яростью.

Брат был слишком молод, чтобы умирать. Это было несправедливо, неправильно.

— В том-то и беда, что никто не знает места, — Цзян Нин покачала головой. — Его искали сотни людей, прочесали земли от Срединной равнины до самых Западных краев — и всё впустую. Да и жив ли он? Ему должно быть уже под восемьдесят.

— Матушка, а кто он вообще такой, этот Ли Лао? — подал голос Цзян Пин. — Неужели он смыслит в медицине больше нашей невестки?

— Хм, глупый малый, — Цзян Нин горько усмехнулась. — Куда Сюсю до него? Его фамилия Ли, и он души не чаёт в вине «Белая груша», оттого и прозвали его Ли Лао [Грушевый старец]. В Поднебесной он известен как Тысяча Ядовитых Рук. Великий лекарь и великий отравитель, чей уровень боевых искусств непостижим. Раньше у него были ученики, но после смерти жены он

прогнал их всех и скрылся. Ведь погубил его супругу не кто иной, как его собственный ученик.

— Что за подлец? — возмутился Лу Фан.

В его сознании не укладывалось, как можно совершить такое святотатство. «Учитель на один день — отец на всю жизнь», а этот мерзавец пошёл против основ мироздания.

— Имени его не знают. С тех пор след Ли Лао простыл, — Цзян Нин нахмурилась, и в её голосе прозвучала нотка обречённости. — Боюсь, Цзиньтану не сдюжить.

Сердце Бай Юйтана словно сжала невидимая ледяная рука. Боль была невыносимой. Лу Фан с жалостью смотрел на него — совсем ещё мальчишка, а уже вынужден сталкиваться с вечной разлукой. Смерть не ведаёт справедливости.

В порыве гнева и отчаяния Юйтан вылетел из дома, поклявшись разыскать загадочного старика. Но небеса были глухи к его мольбам. Он долго скитался, расспрашивал каждого встречного, однако имя Ли Лао хоть и было на слуху, никто не мог указать путь к его обители.

Лишь когда на Остров Пустоты прилетела весть, что Бай Цзиньтан при смерти, Юйтан оставил тщетные поиски. Он помчался в поместье Бай, надеясь успеть. Старший брат оказался силён духом — он дождался возвращения младшего.

Они лишь успели обменяться взглядами. Бай Цзиньтан ушёл, так и не вымолвив ни слова.

Долгое время Бай Юйтан носил в сердце лютую злобу. Он ненавидел этого «Ли Лао» — за его затворничество, за безразличие к мирским страданиям. «Разве чужие жизни для него ничего не значат?!» — думал он. Не меньшую ненависть он питал и к тому ученику-предателю.

В те дни Юйтан затих. Он часами просиживал у надгробия брата, делясь с ним сокровенным.

— Юйтан, у каждого своя судьба. Постарайся принять это, — вздыхал Цзян Пин, кладя руку ему на плечо.

Бай Цзиньтан ушёл в самом расцвете лет, едва познав радость отцовства. Он не успел даже услышать от сына заветное слово «папа». Пятнадцатилетний Юйтан тогда впервые осознал: жизнь — штука хрупкая. Стоит лишь на миг отвернуться, и цепи Владык ада увлекут за собой того, кто тебе дорог. Против воли Янь-вана не пойдёт даже самый сильный герой.

— Матушка, госпожа Линь и малютка Юньшэн остались одни, — рассуждал Лу Фан, заботясь о будущем вдовы. — Было бы лучше, если бы они перебрались к вам на Винодельню Цзяннин. Одной женщине с годовалым дитяти не сдюжить.

— Верно, — согласилась Цзян Нин. — А ты, Четвёртый, присмотри пока за делами семьи Бай. Когда Юйтан повзрослеет, передашь бразды правления ему.

Хотя Цзян Нин понимала: с характером Юйтана тот скорее оставит все дела Цзян Пину до скончания веков.

— Не беспокойтесь, матушка, — усмехнулся Четвёртый господин. — Приберегу всё для Юньшэна. Юйтан вряд ли захочет копаться в счетах.

— Госпожа Линь, привозите Юньшэна на Остров Пустоты, — добавил Лу Фан. — Четвёртый брат с радостью обучит его тонкостям торговли. Ему как раз не помешал бы толковый преемник.

Линь Сюань понимала: передав дела семьи под крыло Острова Пустоты, она лишь добавит забот Цзян Пину, но всё же кивнула. Будучи женой купца, она и сама неплохо разбиралась в цифрах — не стратег, но свести дебет с кредитом могла без труда. Переехав на винодельню, она взяла на себя бухгалтерию, ведя дела с безупречной точностью.

Прошли годы. Пятнадцатилетний юноша превратился в мужчину, и горечь утраты со временем притупилась. Лишь изредка в памяти Бай Юйтана всплывал тот миг: уголки губ брата, дрогнувшие в слабой улыбке, и этот взгляд — смесь радости от встречи и тихой печали от несвершённого. В такие минуты он снова задавался вопросом: где же скрывается Ли Лао? И почему тот негодяй-ученик решился на убийство?

Но мёртвых не вернуть. Юйтан знал это. Быть может, когда-нибудь он встретит брата во сне. А может, через много-много лет, когда холодные цепи смерти сомкнутся на его собственных запястьях, они увидятся вновь. Но не сейчас.

Несмотря на несправедливость небес, Бай Юйтан оставался собой. Время — лучший лекарь. Теперь он мог говорить о прошлом спокойно.

Увидев, что Юйтан снова принялся за старое — подшучивать над красавицами из Терема Тумана и Дождя Сунцзянской префектуры, — Лу Фан лишь беспомощно улыбнулся.

Вернулся ли к Пятому господину боевой дух, можно было определить безошибочно: если он зачастил в Павильон Циня к певичкам, значит, жизнь снова бьёт ключом.

Он был ветреным, но никогда не опускался до низости. Лу Фан, в отличие от суровых наставников Чжань Чжао, продолжал потакать его капризам, выражая свою любовь через безграничное баловство.

Но в глубине души Старший брат Лу порой задумывался: найдётся ли та единственная, с которой Юйтан захочет состариться, идя рука об руку? Ведь редкая женщина стерпит мужа,

чей взгляд вечно блуждает среди прекрасных цветов.

<http://bllate.org/book/17405/1648659>